

Глава 1

— Том!

Ни звука.

— Томас!

Молчание.

— Удивительно, и куда провалился этот мальчишка? Где ты, Том?

Нет ответа.

Тетя Полли сдвинула очки на кончик носа и оглядела комнату. Затем подняла очки на лоб и оглядела комнату из-под них. Почти никогда она не глядела на такую ерунду, как мальчишка, сквозь очки; это были парадные очки, и приобретены они были исключительно для красоты, а не ради пользы. Поэтому разглядеть что-либо сквозь них было так же трудно, как сквозь печную дверцу. На минуту она застыла в раздумье, а затем произнесла — не особенно громко, но так, что мебель в комнате могла ее услышать:

— Ну погоди, дай только добраться до тебя, и я...

Оборвав себя на полуслове, она наклонилась и принялась шарить половой щеткой под кроватью, переводя дух после каждой попытки. Однако ничего, кроме перепуганной кошки, извлечь оттуда ей не удалось.

— Что за наказание, в жизни такого ребенка не видывала!

Подойдя к распахнутой настежь двери, она остановилась на пороге и окинула взглядом огород — грядки томатов, основательно заросших сорняками. Тома не было и здесь. Тогда, повысив голос настолько, чтобы ее было слышно и за забором, тетя Полли крикнула:

— То-о-ом, ты куда пропал?

Позади послышался едва уловимый шорох, и она мгновенно оглянулась — так, чтобы успеть ухватить за помочи мальчишку, прежде чем тот шмыгнет в дверь.

— Так и есть! Я опять упустила из виду чулан. Что тебе там понадобилось?

— Ничего.

— Как это — ничего? А в чем у тебя руки? Кстати, и физиономия тоже. Это что такое?

— Откуда мне знать, тетушка?

— Зато я знаю. Это варенье — вот это что! Сотню раз я тебе твердила: не смей прикасаться к варенью! Поддай сюда розгу.

Розга угрожающе засвистела в воздухе — беды не миновать.

— Ой, тетушка, что это там шевелится в углу?!

Пожилая леди стремительно обернулась, подхватив юбки, чтобы уберечь себя от опасности. Мальчик мигом перемахнул через забор огорода — и был таков.

В первое мгновение тетя Полли оторопела, но потом рассмеялась:

— Ну и прохвост! Неужто я так ничему и не научусь? Разве мало я перевидала его каверз? Пора бы уже мне и поумнеть. Но недаром ведь сказано: нет хуже дурака, чем старый дурак, а старую собаку не выгучишь новым фокусам. Но, господи боже мой, ведь он каждый день придумывает что-нибудь новенькое — как же тут угадаешь? А главное, знает, где предел моему терпению, и стоит ему меня рассмешить или хоть на минуту сбить с толку, так я даже отшлепать его как следует не могу. Ох, не исполняю я свой долг, хоть это и великий грех!

Верно сказано в Библии: кто щадит отпрыска своего, тот его и губит... И что тут поделаешь: Том сущий бесенок, но ведь он, бедняжка, сын моей покойной сестры — и у кого же рука поднимется наказывать сироту? Потакать ему — совесть не велит, а возьмешься за розгу — сердце разрывается. Недаром в Библии говорится: век человеческий краток и полон скорбей. Истинная правда! Вот, пожалуйста: сегодня он отлынивает от школы, значит, придется мне завтра его наказывать — пусть потрудится. Жалко заставлять мальчика работать, когда у всех детей праздник, но я-то знаю, что работа для него вдвое хуже розги, а я обязана исполнить свой долг, иначе окончательно погублю душу ребенка.

В школу Том действительно не пошел, поэтому время провел отлично. Он едва успел вернуться домой, чтобы перед ужином помочь негритенку Джиму напилить дров и наколоть щепок для растопки. А уж если по правде — для того, чтобы поведать Джиму о своих похождениях, пока тот будет управляться с работой. Тем временем младший брат Тома Сид подбирал и носил поленья в растопку. Сид был примерный мальчик, не чета всяким сорванцам и озорникам, правда, братом он Тому приходился не родным, а сводным. Неудивительно, что это были два совершенно разных характера.

Пока Том ужинал, то и дело запуская лапу в сахарницу, тетя Полли задавала ему вопросы, которые ей самой казались весьма коварными, — ей хотелось поймать Тома на слове. Как многие очень простодушные люди, она считала себя большим дипломатом, способным на самые изощренные уловки, и полагала, что ее невинные хитрости — верх пронизательности и лукавства.

— Что, Том, в школе сегодня было не слишком жарко?

— Нет, тетушка.

— А может быть, все-таки жарковато?

— Да, тетушка.

— Неужто тебе не захотелось выкупаться, Томас? У Тома похолодела спина — он мигом почувал подвох. Недоверчиво заглянув в лицо тети Полли, он ничего особенного там не увидел, потому и сказал:

— Нет, тетушка. — И добавил: — Не очень.

Тетя Полли протянула руку и, пощупав рубашку Тома, проговорила:

— И в самом деле ты совсем не вспотел. — Ей доставляло удовольствие думать, что она сумела проверить, сухая ли у Тома рубашка, так, что никто не догадался, зачем ей это понадобилось.

Том, однако, уже учуял, откуда ветер дует, и опередил ее на два хода:

— В школе мальчишки поливали головы водой из колодца. У меня она до сих пор мокрая, вот — поглядите-ка!

Тетя Полли огорчилась: какая улика упущена! Но тут же снова взялась за свое:

— Но ведь тебе незачем было распаривать воротник, чтобы окатить голову, правда? Ну-ка, расстегни куртку!

Ухмыльнувшись, Том распахнул куртку — воротник был накрепко зашит.

— Ох, ну тебя, прохвост! Убирайся с моих глаз! Я, признаться, и в самом деле решила, что ты сбежал с уроков купаться. Но не так ты плох, как иной раз кажется.

Тетушка и огорчилась, что пронизательность на этот раз ее подвела, и обрадовалась — пусть это было случайностью, но Том сегодня вел себя прилично.

Но тут подал голос Сид:

— Мне кажется, что с утра вы зашили ему ворот белой ниткой, а теперь, глядите — черная.

— Ну да, конечно же белой! Томас!

Ожидать продолжения следствия стало опасно. Выбегая за дверь, Том крикнул:

— Уж я припомню это тебе, Сидди!

Оказавшись в безопасности, Том осмотрел две толстые иголки, вколотые в изнанку лацкана его куртки и обмотанные ниткой: одна — белой, другая — черной.

— Вот чертовщина! Она бы ничего не заметила, если б не этот Сид. И что это за манера: то она зашивает белой ниткой, то черной. Хоть бы что-нибудь одно, за всем ведь не уследишь. Ох, и выплужу же я этому Сиду по первое число!

Даже с очень большой натяжкой Тома нельзя было назвать самым примерным мальчиком в городе, зато он хорошо знал этого самого примерного мальчика — и терпеть его не мог.

Однако спустя пару минут, а возможно и быстрее, он забыл о своих злоключениях. Не потому, что эти злоключения были не такими болезненными и горькими, как несчастья взрослых людей, но потому, что новые, более сильные впечатления вытеснили их из его души, — в точности так же, как взрослые забывают старое горе, начиная какое-нибудь новое дело. Сейчас такой новинкой была особая манера свистеть, которую он только что перенял у одного чернокожего, и теперь было самое время без помех поупражняться в этом искусстве.

Свист этот представлял собой птичью трель — что-то вроде заливистого щибета; и чтобы выходило как надо, требовалось то и дело касаться нёба кончиком языка. Читатель наверняка знает, как это делается, если когда-нибудь был мальчишкой. Понадобились изрядные усилия и терпение, но вскоре у Тома стало получаться, и он зашагал по улице еще быстрее — с его губ слетал птичий щибет, а душа была полна восторга. Он чувствовал себя как астроном, открывший новую комету, — и, если уж говорить о чистой, глубокой, без всяких примесей радости, все преимущества были на стороне Тома Сойера, а не астронома.

Впереди был длинный летний вечер. Внезапно Том перестал насвистывать и замер. Перед ним стоял

совершенно незнакомый мальчик чуть старше, чем он сам. Любой приезжий, независимо от возраста и пола, был великой редкостью в захудалом городишке Сент-Питерсберге. А этот мальчишка вдобавок был одет как щеголь. Только вообразите: одет по-праздничному в будний день! Невероятно! На нем были совершенно новая шляпа без единого пятнышка, нарядная суконная куртка, застегнутая на все пуговицы, и такие же новые штаны. И, боже правый, он был в башмаках — это в пятницу-то! У него даже имелся галстук из какой-то пестрой ленты, завязанный у ворота. Вид у щеголя был надменный, чего Том стерпеть уж никак не мог. И чем дольше он смотрел на это ослепительное великолепие, тем выше задира л нос перед франтом чужаком и тем более убогим казался ему собственный наряд. Оба молчали. Если начинал двигаться один из мальчиков, двигался и другой, но боком, сохраняя дистанцию; они стояли лицом к лицу, не отрывая глаз друг от друга, и наконец Том проговорил:

- Хочешь, отколочу?
- Только попробуй! Сопляк!
- Сказал, что отколочу, и отколочу!
- Не выйдет!
- Выйдет!
- Не выйдет!
- Выйдет!
- Не выйдет!

Тягостная пауза, после чего Том снова начал:

- Как тебя звать?
- Не твое собачье дело!
- Захочу — будет мое!
- Чего ж ты не дерешься?
- Поговори еще — и получишь по полной.
- И поговорю, и поговорю — что, слабо?
- Подумаешь, павлин! Да я тебя одной левой уложу!
- Ну так чего не укладываешь? Болтать все умеют.

— Ты чего вырядился? Подумаешь, важный! Еще и шляпу нацепил!

— Возьми да сбей, если не нравится. Только тронь — и узнаешь! Где уж тебе драться!

— Катись к дьяволу!

— Поговори у меня еще! Я тебе голову кирпичом проломлю!

— Да ну?

— И проломлю!

— Ты, я вижу, мастер болтать. Чего ж не дерешься? Струсил?

— Нет, не струсил!

— Трус!

И снова грозное молчание. Затем оба начали боком подступать друг к другу, пока плечо одного не уперлось в плечо другого. Том сказал:

— Давай, уноси ноги отсюда!

— Сам уноси!

Оба продолжали стоять, изо всех сил напирая на соперника и с ненавистью уставившись на него. Однако одолеть не мог ни один, ни другой. Наконец, разгоряченные стычкой, они с осторожностью отступили друг от друга и Том проговорил:

— Ты паршивый трус и слюнявый щенок. Вот скажу старшему брату, чтоб он тебе задал как следует!

— Наплевать мне на твоего старшего брата! У меня тоже есть брат, еще постарше твоего. Возьмет да и перебросит твоего через забор!

Тут следует вспомнить, что у обоих никаких старших братьев и в помине не было. Тогда Том большим пальцем ноги провел в пыли черту и, хмурясь, проговорил:

— Переступишь эту черту, и я тебя так отлуплю, что своих не узнаешь! Попробуй — не обрадуешься!

Франт быстро перешагнул черту и задиристо сказал:

— Ну-ка давай! Только тронь! Чего не дерешься?

— Давай два цента — получишь.

Порывшись в кармане, фронт достал два медяка и с усмешкой протянул Тому. Том мигом ударил его по руке, и медяки полетели в пыль. В следующее мгновение оба клубком покатались по мостовой. Они таскали друг друга за волосы, рвали одежду, угощали увесистыми тумачами — и покрыли себя пылью и «боевой славой». Когда пыль немного осела, сквозь дым сражения стало видно, что Том оседлал приезжего и молотит его кулаками.

— Прости пощады! — наконец проговорил он, переводя дух.

Фронт молча завозился, пытаюсь освободиться. По его лицу текли слезы злости.

— Прости пощады! — Кулаки заработали снова.

Наконец чужак сдавленным голосом запросил пощады, и Том отпустил его, назидательно заметив:

— Будет тебе наука. В другой раз гляди, с кем связываешься.

Фронт побрел прочь, отряхивая пыль с куртки, прихрамывая, всхлипывая, сопя и клятвенно обещаясыпать Тому, если «поймает его еще раз».

Вдоволь насмеявшись, Том направился было домой в самом отличном расположении духа, но едва повернулся к чужаку спиной, как тот схватил камень и швырнул в Тома, угодив ему между лопатками, а сам пустился наутек, прыгая, как водяная антилопа. Том преследовал его до самого дома и заодно выяснил, где этот щеголь живет. С полчаса он караулил у ворот, выманивая неприятеля на улицу, но тот только корчил рожи из окна. В конце концов появилась мамаша щеголя, обругала Тома, назвав скверным, грубым и невоспитанным мальчишкой, и велела ему убираться прочь. Что он и сделал, предупредив леди, чтоб ее расфуфыренный сынок больше не попадался ему на дороге.

Домой Том вернулся уже в темноте и, осторожно влезая в окно, наткнулся на засаду в лице тети Полли.

Когда же она обнаружила, в каком состоянии его одежда и физиономия, ее решимость заменить ему субботний отдых каторжными работами стала тверже гранита.

Глава 2

Наступило великолепное субботнее утро. Все вокруг дышало свежестью, сияло и было полно жизни. Радостью светилось каждое лицо, и бодрость ощущалась в походке каждого. Белая акация была в полном цвету, и ее сладкий аромат разливался повсюду.

Кардиффская гора — ее вершина видна в городке откуда угодно — сплошь зазеленела и казалась издалека чудесной безмятежной страной.

Именно в этот момент на тротуаре появился Том с ведром разведенной извести и длинной кистью в руках. Однако при первом же взгляде на забор всякая радость покинула его, а душа погрузилась в глубочайшую скорбь. Тридцать ярдов сплошного дощатого забора высотой в девять футов! Жизнь представилась ему бессмысленной и тягостной. С тяжелым вздохом окунув кисть в ведро, Том мазнул ею по верхней доске забора, повторил эту операцию дважды, сравнил ничтожный выбеленный клочок с необозримым континентом того, что еще предстояло покрасить, и в отчаянии уселся под деревом.

Тем временем из калитки вприпрыжку выскочил негритенок Джим с ведром в руке, напевая «Девушки из Буффало». До этого дня Тому казалось, что нет скучнее занятия, чем носить воду из городского колодца, но сейчас он смотрел на это иначе. У колодца всегда полно народу. Белые и черные мальчишки и девочки вечно торчат там, дожидаясь своей очереди, болтают, меняются игрушками, ссорятся, шалят, а порой и дерутся. И хоть до колодца от их дома каких-нибудь полтора шага, Джим сроду не возвращался

домой раньше чем через час, а бывало и так, что за ним приходилось кого-нибудь посылать. Поэтому Том сказал:

— Слышь-ка, Джим! Давай я сбегаю за водой, а ты тут пока немножко побели.

— Как можно, мистер Том! Старая хозяйка велела мне мигом принести воду и, сохрани бог, нигде не застревать по дороге. Она еще сказала, что мистер Том наверняка позовет меня красить забор, так чтоб я делал свое дело, не совал нос куда не просят, а уж насчет забора она сама распорядится.

— Да что ты ее слушаешь, Джим! Мало ли что она наговорит! Давай ведро, одна нога здесь — другая там, вот и все. Тетя Полли даже не догадается.

— Ох, боязно мне, мистер Том. Старая хозяйка голову мне оторвет. Ей-богу, оторвет!

— Это она-то? Да она и не дерется совсем. Разве что щелкнет по макушке наперстком, только и делов, — подумашь, важность! Говорит-то она разное, да только от ее слов ничего не делается, разве что иной раз сама расплатится. Джим, ну хочешь, я тебе шарик подарю? Белый, с мраморными жилками!

Джим заколебался.

— Белый и вдобавок мраморный, Джим! Это тебе не фигли-мигли!

— Ох как блестит! Только очень уж боюсь я старой хозяйки, мистер Том...

— Ну хочешь, я покажу тебе свой больной палец?

Джим был обычным человеком — и не устоял перед таким соблазном. Он поставил ведро, взял мраморный шарик и, выпучив глаза от любопытства, склонился над больным пальцем, пока Том разматывал бинт. В следующую секунду он уже вихрем летел по улице, громяхая ведром и почесывая затылок, Том с бешеной энергией белил забор, а тетя Полли удалялась с поля битвы с туфлей в руке. Глаза ее горели торжеством.

Но рвения Тома хватило ненадолго. Его мысли вернулись к тому, как славно он мог бы провести этот денек, и он снова загоревал. Вот-вот на улице появляться другие мальчишки и поднимут Тома на смех из-за того, что его заставили работать в субботу. Сами-то они отправляются в разные интересные места.

Эта мысль жгла его огнем. Он извлек из карманов все заветные сокровища и устроил им ревизию: сломанные игрушки, шарики, всякая дребедень, может, и сгодятся для обмена, но вряд ли за это можно купить хотя бы час свободы. Убрав с глаз долой свои тощие капиталы, Том выкинул из головы мысль о том, чтобы подкупить кого-либо. Но в эту минуту, полную отчаяния и безнадежности, его вдруг посетило вдохновение. Самое настоящее вдохновение, без всяких преувеличений!

Взявшись за кисть, он продолжил не спеша и со вкусом работать. Вскоре из-за угла показался Бен Роджерс — тот самый мальчишка, чьих ядовитых насмешек Том опасался больше всего. Походка у Бена была беззаботная, он то и дело подпрыгивал — верный признак того, что на сердце у него легко и от жизни он ждет сплошных подарков. Он грыз яблоко и время от времени издавал протяжный гудок, за которым следовал мелодичный перезвон: «Динь-дон-дон, динь-дон-дон» — на самых низких нотах, потому что Бен изображал колесный пароход. Приближаясь к Тому, он сбавил ход, свернул на середину фарватера, слегка накренился на правый борт и стал без спешки подходить к берегу. Вид при этом он имел необыкновенно важный, потому что изображал «Большую Миссури» с осадкой в девять футов. В эту минуту Бен Роджерс был и пароходом, и капитаном, и рулевым, и судовым колоколом, поэтому, отдавая команду, он тут же ее и выполнял.

— Стоп, машина! Динь-динь-линь! — Механик выполнил команду, и пароход медленно причалил к бров-

ке тротуара. — Задний ход! — Обе руки Бена опустились и вытянулись по швам.

— Право руля! Динь-динь-линь! Ч-чу-у! Чу-у! — Правая рука взлетела вверх и принялась описывать торжественные круги: сейчас она изображала главное гребное колесо.

— Лево руля! Динь-динь-линь! Чу-у-чу-у! — Теперь круги описывала левая.

— Стоп, правый борт! Динь-динь-линь! Стоп, левый борт! Малый ход! Стоп, машина! Самый малый! Динь-динь-линь! Чу-у-у-ф-ф! Отдать концы! Да пошевеливайтесь там! Ну где у вас швартовочный конец? Зачаливай за кнехт! Так, теперь попусти!

— Машина стала, сэр! Динь-динь-линь! Шт-шт-шт-шт-шт-шт! — Это пароход сбрасывал пар.

Том продолжал орудовать кистью, не обращая на «Большую Миссури» ни малейшего внимания. Бен прищурился и проговорил:

— Ага, попался-таки! Взяли тебя на буксир!

Ответа не последовало. Том посмотрел на последний мазок взглядом живописца, потом еще раз бережно провел кистью по доскам и отступил, задумчиво созерцая результат. Бен подошел и встал сзади. Том проглотил слюну — до того ему захотелось яблока, но виду не подал и вновь взялся за дело. Наконец Бен произнес:

— Что, старик, приходится потрудиться, э?

Том резко обернулся, словно от неожиданности:

— А-а, это ты, Бен! Я тебя и не заметил.

— Не знаю, как ты, а я иду купаться. Нет желанья? Хотя о чем это я — ты, само собой, еще поработаешь. Это дело наверняка поинтересней.

Том с недоумением взглянул на Бена и спросил:

— Это что ты называешь работой?

— А это, по-твоему, что?

Том широко взмахнул в воздухе кистью и небрежно ответил:

— Что ж, может, для кого работа, а для кого и нет. Мне известно только одно: Тому Соьеру это по душе.

— Да брось ты! Скажи еще, что тебе нравится белить! Кисть по-прежнему равномерно скользила по доскам забора.

— Белить? А почему нет? Небось не каждый день нашему брату случается приводить в порядок забор.

С этой минуты все предстало в новом свете. Бен даже перестал жевать яблоко. Том бережно водил кистью взад и вперед, время от времени останавливаясь, чтобы полюбоваться на дело рук своих, добавлял здесь мазок, там штрих и снова оценивал результат, а Бен пристально следил за каждым его движением, и глаза его постепенно разгорались. Внезапно он сказал:

— Слышь, Том, дай-ка и мне побелить чуток.

Том задумался, напустив на себя такой вид, будто и готов был согласиться, но внезапно передумал.

— Нет, Бен, не выйдет. Тетя Полли просто молится на этот забор; понимаешь, он выходит на улицу... Ну если б это было со стороны двора, она бы и слова не сказала... да и я тоже. Но тут... Его знаешь как надо белить? Тут разве что один из тысячи, а то и из двух тысяч мальчишек сумеет справиться как следует.

— Да ты что? Слышь, Том, ну дай хоть мазнуть, ну самую малость! Вот я — я бы тебя пустил, если б оказался на твоём месте.

— Бен, да я бы с радостью, клянусь скальпом! Но как быть с тетей Полли? Джиму тоже хотелось, а она запретила. Сид — тот в ногах у нее валялся, а она и Сиду не разрешила. Такие, парень, дела... Допустим, ты возьмешься, а что-то пойдет не так?

— Брось, Том, я же со всем старанием! Ну пусти, я только попробовать... Слушай, хочешь половину яблока.

— Ну как тебе сказать... Хотя нет, Бен, все-таки не стоит. Что-то я побаиваюсь.

— Я тебе все яблоко отдам!

Без всякой охоты Том выпустил кисть из рук, но душа его ликовала. И пока бывший пароход «Большая Миссури» в поте лица трудился на самом солнцепеке, удалившийся от дел живописец, посиживая в тени на старом бочонке, болтал ногами, хрустел яблоком и строил планы дальнейшего избиения младенцев.

За младенцами дело не стало. Мальчишки ежеминутно появлялись на улице; они останавливались, чтобы позубоскалить над Томом, — и в конце концов оставались красить забор. Как только Бен выдохся, Том выгодно продал следующую очередь Билли Фишеру — за подержанного, но еще очень приличного воздушного змея, а когда тот умаялся, Джонни Миллер приобрел право на кисть за дохлую крысу с привязанной к ней веревочкой — чтобы удобней вертеть в воздухе. Так оно и пошло.

К середине дня из почти нищего Том стал магнатом. Он буквально утопал в роскоши. Теперь у него имелись: двенадцать шариков, поломанная губная гармошка, осколок бутылочного стекла синего цвета, чтобы глядеть на солнце, катушка без ниток, ключ неизвестно от чего, кусок мела, пробка от хрустального графина, оловянный солдатик, пара головастиков, шесть хлопущек, одноглазый котенок, бронзовая дверная ручка, собачий ошейник, рукоятка от ножа, четыре куска апельсиновой корки и старая оконная рама. Том отменно провел время, а забор был покрыт известкой в три слоя! Если бы у него не кончилась побелка, он пустил бы по миру всех мальчишек в городке.

«Жить на свете не так уж скверно», — подумал Том. Сам того не подозревая, он открыл великий закон, управляющий человеческими поступками. Этот закон гласит: для того чтобы мальчишке или взрослому — это все равно кому — захотелось чего-нибудь, нужна только одна вещь: чтобы этого было трудно добиться.

Если бы Том Сойер был выдающимся мыслителем вроде автора этой книги, он бы пришел к выводу, что *работа* — это то, что человек вынужден делать, а *игра* — то, что он делать совершенно не обязан. И это помогло бы ему уяснить, почему делать искусственные цветы или носить воду в решете есть работа, а сшибать кегли или карабкаться на гору Монблан — приятная забава. Говорят, в Англии есть богачи, которым нравится в летнюю пору править почтовой каретой, запряженной четвериком. Такая возможность стоит им бешеных денег, но, если бы они получали за это жалованье, игра превратилась бы в работу и потеряла всю свою прелесть.

Еще некоторое время Том раздумывал над той переменой, которая произошла в его имущественном положении, а затем отправился с докладом в штаб главнокомандующего.

Глава 3

Когда он явился к тете Полли, та сидела у открытого окна в уютной комнате, служившей сразу спальней, гостиной, столовой и библиотекой. Ласковый летний воздух, тишина, запах цветов и сонное гудение пчел возымели свое действие, и она задремала над рукоделием, потому что поговорить ей было не с кем, кроме кошки, да и та давным-давно спала у нее на коленях. Очки пожилой леди ради их же безопасности были подняты выше лба. Твердо уверенная, что Том давным-давно сбежал купаться, тетя Полли неопишимо удивилась, увидев, что тот сам идет к ней в руки.

Том смиренно произнес:

- Могу я теперь пойти поиграть, тетя?
- Как, уже? И сколько же ты сделал?
- Я закончил, тетя.
- Том, не сочиняй, я этого не люблю!
- Я не сочиняю, тетя. Все готово.

Верить на слово было не в обычае тети Полли. Если б слова Тома оказались правдой хоть на двадцать процентов, она была бы вполне удовлетворена. Поэтому она и отправилась взглянуть на свершившееся чудо собственными глазами.

Когда же она обнаружила, что забор выбелен от начала до конца, и не просто выбелен, а покрыт известкой в два, а то и, страшно представить, в три слоя, и вдобавок по земле проведена белая полоса, ее изумлению не было предела. Она сказала:

— Вот так так! Ничего не скажешь, Том, работать ты можешь, когда захочешь. — Но тут же разбавила комплимент: — Жаль только, что это редко случается. Ну ступай, да приходи вовремя, не то дождешься розги.

Тетя Полли была настолько потрясена малярными талантами Тома, что отправилась в чулан, выбрала там самое большое яблоко и вручила ему, сопроводив назидательной речью о том, насколько приятней бывает награда, если она заработана честно и добродетельно. Как раз в ту минуту, когда она принялась цитировать подходящее место из Библии, Том успел стибрить у нее за спиной пряник.

Выбежав из комнаты, Том увидел, что по наружной лестнице в пристройку второго этажа поднимается Сид. Под рукой хватало комьев сухой земли — и они тотчас замелькали в воздухе, градом осыпая Сиду. Прежде чем тетя Полли успела опомниться и прийти ему на выручку, пять-шесть комьев поразили цель, а Том перемахнул через забор — и был таков. В заборе имелась калитка, но у него, как и всегда, времени было в обрез — не делать же ради этой калитки изрядный крюк. Теперь душа его была спокойна: Сид сполна расплатился за то, что указал тете Полли на черную нитку в вороте его рубахи.

Том обогнул свой квартал и свернул в грязный переулок. Благополучно миновав коровник тети Полли и избежав плена и казни, он бегом бросился на городскую

площадь, где, заранее сговорившись, уже строились в боевые порядки две армии. Одну из них предстояло возглавить Тому, другую — его закадычному приятелю Джо Харперу. Оба прославленных полководца не снисходили до того, чтобы сражаться собственноручно, — для этого существовала всякая мелюзга. Они вместе восседали на возвышении и руководили боевыми действиями, рассылая приказы через адъютантов.

После жестокой и изнурительной битвы армия Тома одержала блистательную победу. Подсчитали убитых, обменялись пленными и уговорились, когда снова объявлять войну. Был назначен день генерального сражения, потом обе армии построились в походные колонны и удалились, а Том в одиночестве пошел домой.

Проходя мимо дома, где жил Джеф Тэтчер, он заметил в саду незнакомую девчонку — голубоглазое создание с золотистыми волосами, заплетенными в две длинные косы, в белом летнем платье и вышитых панталончиках. Суровый воин, только что увенчанный лаврами победителя, пал без единого выстрела. Некая Эмми Лоуренс мигом испарилась из его сердца, не оставив там ни малейшего следа. Еще вчера Том был уверен, что будет обожать ее вечно, а оказалось, что это всего-навсего легкое увлечение. Не один месяц он добивался взаимности, только на прошлой неделе она призналась ему в любви; несколько коротких дней он был счастлив и горд, как ни один мужчина на свете, и хватило короткого мгновения, чтобы Эмми покинула его сердце, как случайная гостья.

Некоторое время Том поклонялся новому божеству издали, пока не обнаружил, что девчонка его заметила. Тогда он сделал вид, что понятия не имеет о том, что она здесь, и начал на все лады валять дурака, как это принято у мальчишек, стараясь понравиться и вызвать восхищение. Так он и выкидывал всякие штучки, пока, случайно взглянув в ее сторону во время какого-то головокружительного акробатического трюка, не обнаружил, что

девочка направляется к дому. Том подошел к забору и прислонился к нему, скрывая досаду, но все-таки надеясь, что она побудет в саду еще немного. Девочка с минуту постояла на крыльце, потом взялась за ручку двери. Когда она переступила порог, Том горестно вздохнул — и тут же просиял: перед тем как окончательно исчезнуть, девочка перебросила через забор слегка помятый цветок анютиных глазок. Том ринулся было вперед, но остановился в двух шагах от цветка. Затем он приставил ладонь козырьком к глазам и начал пристально всматриваться вдаль, словно в конце улицы происходило что-то невероятно интересное. Там, однако, ничего не происходило, и Том, подобрав с земли соломинку, начал устанавливать ее на носу. Так, запрокинув голову и балансируя соломинкой, он все ближе и ближе подбирался к месту, где лежал цветок, и в конце концов наступил на него босой ногой. Гибкие пальцы захватили вконец измочаленное растение, и, прыгая на одной ноге, Том скрылся за углом.

Но ненадолго, только для того, чтобы засунуть цветок под куртку, поближе к сердцу, а может быть, и к желудку — не так уж он был сведущ в анатомии, чтобы разбираться в этаких тонкостях.

Сразу после этого он вернулся к забору и слонялся вдоль него до самой темноты, по-прежнему валяя дурака. Однако новое божество больше не показывалось, и Том тешил себя мыслью, что девочка, может быть, заметила его усилия, случайно бросив взгляд в окно. Домой он возвращался без всякой охоты, едва представляя ноги в мечтательном оцепенении.

Но за ужином он так разошелся, что тетюшка только диву давалась: «Что за бес вселился в этого ребенка?» Попутно Тому влетело за то, что он бросался землей в Сиду, но он и ухом не повел, а вместо чистосердечного раскаяния попытался стащить кусок сахара под самым носом у тети Полли и получил за это по рукам.

Тогда Том возмутился:

— Где же справедливость? Тетя, вы же не лупите Сиду, когда он таскает сахар.

— Но Сид никогда не доводит человека до белого каления. Ты вообще не вылезал бы из сахарницы, если б я за тобой не приглядывала.

Вскоре она вышла в кухню, и Сид, радуясь безнаказанности, тут же потащил к себе сахарницу. Такую наглость просто невозможно было стерпеть. Однако сахарница внезапно выскользнула из пальцев Сиды, упала и разбилась. Том был в восторге. Причем в таком, что прикусил язык и промолчал, решив, что не произнесет ни звука даже тогда, когда вернется тетя Полли, а будет сидеть, пока она не спросит, кто это сделал. Вот тогда придет его час, и наконец-то он полюбуется, как влетит «любимчику». Что может быть приятнее? Восторг до того переполнял его, что он едва сдержался, когда тетя вернулась из кухни и оцепенела над осколками, мечта молниеносные взоры поверх очков. Том затаил дыхание: «Вот, вот оно, сейчас!»

В следующее мгновение он растянулся на полу. Карающая десница, сделав свое дело, уже снова была занесена над ним, когда Том завопил:

— Да погодите, тетя, за что? Это же Сид!

От неожиданности тетя Полли застыла. Том ждал, не выразит ли она сожаление, но, как только дар речи вернулся к пожилой леди, она пробормотала:

— Хм!.. Ну, я полагаю, что влетело тебе все равно не зря! Уж наверняка ты что-нибудь натворил, пока меня не было.

Потом, вняв голосу совести, она уже хотела было сказать что-нибудь помягче, но решила, что это может быть расценено как признание того, что она виновата, а дисциплина таких вещей не допускает. Поэтому тетя Полли отвернулась и занялась своими делами, хотя на сердце у нее скребли кошки. Том с уязвленным видом

сидел в углу и растревлял раны. Ему-то было известно, что в душе тетушка горько раскаивается, но он не подавал вида, что понимает это. И какое имело значение, что она время от времени бросала на него тоскливый взор, затуманенный слезами? Том тем временем представлял, что лежит на смертном одре и тетя Полли склоняется над ним, вымаливая прощение, но он отворачивается к стене и умирает, так и не обронив ни слова. Каково ей будет тогда? Затем он вообразил, как его, утонувшего в реке, приносят домой: кудри намокли, измученное сердце больше не бьется. О, как она тогда рухнет на его бездыханный труп, как хлынут рекой ее слезы! Как она будет молить Бога, чтоб он вернул ее мальчика, которого она никогда больше не обидит! А он — вот он лежит, бледный и холодный, ничего не чувствующий, бедный маленький страдалец, безропотно вынесший все мучения!

От этих драматических картин Том так расчувствовался, что его начали душить слезы. Он глотал их, ничего не видя вокруг, а когда мигал, слезы текли по щекам и капали с кончика носа. Он так наслаждался своими несчастьями, что ни за что не согласился бы, чтобы какая-нибудь мелкая земная радость вторглась в его душу; он берег свою скорбь, как священную реликвию. Поэтому, когда в комнату впорхнула его сестрица Мэри, сияя от радости, что наконец-то вернулась домой после недели, проведенной на ферме, Том встал и безмолвно покинул комнату. Окруженный зловещим мраком и угрюмыми тучами скорби, он вышел в одну дверь, в то время как радость жизни и солнечный свет ворвались вместе с Мэри в другую.

Оказавшись на улице, он отправился бродить вдали от тех мест, где обычно собирались мальчики. Сейчас ему требовались безлюдные закоулки — они лучше всего соответствовали его настроению. Плот у берега показался ему подходящим местом, и он уселся на

самом краю, созерцая мутную глубину реки и мечтая только об одном — утонуть быстро и без мучений. Тут он вспомнил про цветок, извлек его из кармана, смятый и увядший, и это удвоило его сладостную муку. Он принялся размышлять о том, что было бы, если б она узнала. Должно быть, расплакалась, захотела бы обнять его и утешить. А может, отвернулась бы и пошла своей дорогой, как и весь этот холодный и бесчувственный мир. Он мысленно поворачивал эту картину и так и сяк, меняя освещение и персонажей, пока это ему не надоело. В конце концов он поднялся на ноги и со вздохом побрел вдоль берега.

Около половины десятого, почти в полной темноте, Том обнаружил себя на безлюдной улице на пути к дому, где обитала прелестная незнакомка. Оказавшись у знакомой ограды, он постоял с минуту — ни звука, только свеча бросает тусклый отблеск на плотную штору в окне второго этажа. Не там ли незримо присутствует его божество?

Он перелез через забор, осторожно перебрался через цветник и остановился под окном. Довольно долго, с трудом сдерживая волнение, он глядел на него, задрал голову, а затем улегся на землю, сложив руки крестом на груди и сжимая в пальцах увядший цветок. Вот так он и умрет — один на всем белом свете, без крова над головой, без дружеской руки, которая отерла бы предсмертный пот с его ледяного лба, без любящего лица, которое склонилось бы над ним в последние земные мгновения. Наступит солнечное утро, и первое, что она увидит, — его окоченевший труп. Но уронит ли его божество хоть слезинку, вздохнет ли хоть раз о том, что до срока погибла молодая жизнь, подкошенная не знающей жалости рукой?

Внезапно окно распахнулось, грубый голос прислуги нарушил трепетную тишину ночи и целый водопад хлынул на останки мученика.

Едва не захлебнувшись, наш герой вскочил на ноги, отфыркиваясь и отплевываясь. В воздухе просвистел камень, послышалась невнятная брань, зазвенело и посыпалось разлетевшееся вдребезги стекло. Затем едва различимая фигурка перепрыгнула через ограду и растворилась во мраке.

Когда Том, уже дома, огорченно разглядывал при свете огарка свечи свою насквозь промокшую одежду, проснулся Сид. Он уже открыл было рот, чтобы по обыкновению намекнуть на ожидающие брата кары, но передумал и промолчал, смекнув по выражению лица Тома, что это далеко не безопасно.

Том рухнул на кровать, не сочтя нужным отягощать себя еще и молитвой, и Сид мысленно занес это упущение в список прегрешений брата.

Глава 4

Взошедшее солнце заливало своими лучами мирный городок, словно благословляя его. После завтрака тетя Полли собрала всех домочадцев на семейное богослужение. Она начала с молитвы, а затем произнесла небольшую речь, основанную на солидном фундаменте из библейских цитат, скрепленных жиденьким цементом собственных рассуждений; в заключение с этой вершины, как с горы Синай, она огласила суровые заповеди Моисеевы.

После этого Том, как говорится, препоясав чресла, подобно библейским воителям, приступил к заучиванию стихов из Священного Писания. Сид еще несколько дней назад выучил весь урок. Тому пришлось приложить все силы, чтобы затвердить наизусть пять стихов из Нагорной проповеди — он так и не нашел ничего короче.

Но и через полчаса у Тома было довольно смутное представление о словах Спасителя, потому что голова его была занята чем угодно, кроме урока, а руки бес-

престанно двигались, отвлекаясь на всевозможные посторонние дела.

Мэри взяла у него книгу, чтобы проверить урок, и Том, спотыкаясь, начал, словно пробираясь сквозь заросли в густом тумане:

— Блаженны... э-э...

— Нищие...

— Ага, нищие... Блаженны нищие... как там дальше-то?

— Духом...

— Ага, духом... Блаженны нищие духом, ибо их... ибо они...

— Ибо они...

— Ибо они... Блаженны нищие духом, ибо они войдут в Царствие Небесное. Блаженны плачущие, ибо они... ибо они...

— У...

— Чего?

— Ибо они у-те... Да не помню я, как там дальше! Блаженны ибо плачущие, ибо они... ибо плачущие... а дальше-то что? Ей-богу, не знаю! Ну что ж ты не подскажешь, Мэри? Не стыдно тебе меня мучить?

— Ах, Том, дурашка ты этакий, вовсе я тебя не мучаю. Просто тебе нужно все как следует выучить. Ничего страшного, зато, когда выучишь, я тебе подарю одну замечательную вещь. Ну, будь умницей!

— Ладно! А что это за штука, Мэри?

— Не важно. Раз я сказала, что она замечательная, значит, замечательная.

— Ну да, ты врать не станешь. Ладно, пойду приналягу.

Том навалился, и любопытство вкупе с ожиданием предстоящей награды сотворили чудо — он добился неслыханных успехов. За это Мэри подарила ему новенький перочинный ножик с двумя лезвиями. Цена ему была не меньше двенадцати с половиной центов,

и охвативший Тома восторг потряс его до глубины души. Правда, оба лезвия оказались совершенно тупыми и не резали, зато это было настоящее изделие фирмы Барлоу, а не какая-нибудь подделка, в чем и заключалось главное достоинство подарка. Откуда мальчикам западных штатов было знать, что это грозное оружие можно подделать и что подделка наверняка хуже оригинала, остается тайной, покрытой мраком. Несмотря ни на что, Том ухитрился изрезать этим ножиком buffet и уже приступал к комоду, когда его позвали одеваться в воскресную школу.

Мэри поставила перед ним жестяной таз, полный теплой воды, и вручила кусок мыла. Том, прихватив таз, вышел за дверь и водрузил его на скамейку. Затем он обмакнул мыло в воду и положил его на место; закатал рукава, осторожно вылил воду на землю, вернулся в кухню и начал яростно тереть лицо полотенцем.

Мэри тут же отняла у него полотенце со словами:

— Как тебе не стыдно, Том! Ступай, умойся как следует. Вода тебе не повредит.

Том смутился. В таз снова налили воды; на этот раз он постоял над ним немного, собирая все свое мужество, потом набрал в грудь воздуха и начал умываться. Когда он снова вошел в кухню, зажмурив глаза и ощупью отыскивая за дверью полотенце, по его щекам текла мыльная пена — честное свидетельство праведных трудов. Но едва он отнял от лица полотенце, оказалось, что результат далек от совершенства: его щеки и подбородок белели, как маска, а ниже и выше лежала нетронутая темная целина, захватывая шею и спереди и сзади.

Тут уж Мэри взялась за него сама, и, выйдя из ее рук, он уже ничем не отличался от своих бледнолицых собратьев; мокрые волосы были аккуратно приглажены, их короткие завитки лежали ровно и красиво. Вообще-то, Том всячески старался распрямить свои кудри, прилагая для этого немало стараний; ему казалось, что